

Матяш, С.
Волшебное письмо/ С. Матяш //Индустриальная
Караганда. - 2005. - 24 марта.

«Глубокоуважаемая Светлана Алексеевна!

Извините, что опаздываю с ответом. Случилось так, что сразу уехал в Москву и там пробыл почти двадцать дней.

Мне приятно знать, что у Вас дела идут хорошо и что Вы выбрали для диссертации автора «Светланы», человека, которым гордились все поэты пушкинской поры, а в последнее время особенно гордился И. Бунин, находя, что его талант от Буниной и Жуковского (ему, И.А.Бунину, кажется, В.А. приходится дядей).

О драматических событиях забудьте, за исключением того, что все прошедшее должно идти во благо. В данном случае Вы уже знаете, что есть плохие люди, которых со счета в жизни сбрасывать опасно. Так учит жизнь. Полагаю, что в будущем в новом университете будут у Вас условия для плодотворной работы. Только если будете постоянно себя чувствовать мало знающей и если будете постоянно благожелательны к окружению. Все остальное при соответствующем трудолюбии придет само.

Кажется, я пустился в назидания, но это все усиливающаяся привычка человека, переходящего известный возраст. Прошу простить.

Желаю Вам больших успехов. Привет Вашему руководителю и Вашей кафедре.

Ждем. С пожеланиями всего наилучшего, Е. Букетов 30.10.73».

С очередным юбилеем Е. Букетова приходит новое, более глубокое осознание масштаба этой уникальной личности, понимание ее роли в казахстанской и - шире - мировой науке и культуре.

Поэтому перед теми, кто хорошо знал Е. Букетова, стоит задача собрать как можно полнее его эпистолярное наследие, зафиксировать и сохранить сведения о каждом, - на первый взгляд, рядовых поступках и жестах этого человека.

Отзываясь на собственный призыв, я решаюсь опубликовать адресованное мне письмо Евнея Арстановича, которое больше 30 лет хранится в моем личном архиве. Чтобы оценить его, следует кратко изложить предысторию его появления.

Как видно из содержания письма, оно явилось ответом на письмо выпускницы аспирантуры Ленинградского университета. В своем официальном обращении к ректору Карагандинского университета, два года назад назначенному на эту должность, я сообщала о завершении работы над кандидатской диссертацией на тему «Стих В.А. Жуковского» и выражала надежду, что после окончания аспирантуры смогу вернуться в Караганду и работать по специальности.

Все аспиранты-целевики не только могли, но были обязаны вернуться на

прежнее место работы. Необходимость дополнительного обращения к ректору по этому поводу была вызвана особыми обстоятельствами, о которых я честно написала: «Не буду скрывать, Евней Арстанович, что моему поступлению в целевую аспирантуру предшествовали драматические для меня события. Ученый совет КарПИ дважды, в 1968 и в 1969 гг., не переизбирал меня в занимаемой должности. Однако для меня важен тот факт, что в конечном итоге Министерство высшего и ССО КазССР сочло возможным удовлетворить ходатайство ректората Кар-ПИ о выделении для меня места в целевой аспирантуре, а после моего поступления в аспирантуру санкционировало изменение формулировки приказа об увольнении:

Откровенно говоря, я не сомневалась в положительном решении вопроса о своем трудоустройстве, поскольку слышала о заинтересованности руководства недавно образованного университета в кадрах, но письмо Е. Букетова было для меня полной неожиданностью. Прежде всего поразил сам факт личного ответа на мое послание: ректор мог поручить ответить аспиранту-целевику своему подчиненному; но он нашел время, чтобы ответить лично, отбросив соображения должностной субординации. Поразила и откровенность, отсутствие характерной для многих руководителей высокого уровня осторожности в выражении собственной позиции. Не вдаваясь в детали прошлого конфликта (о них он мог получить информацию у ветеранов пединститута), призывая забыть о «драматических событиях», он, по существу, дал оценку конфликту, поддержал меня, предостерегая от «плохих людей», «которых со счета в жизни сбрасывать опасно».

Кто в этом письме Е.А. Букетов: дальновидный руководитель, поддерживающий опальных в предыдущем правлении людей - для обретения надежной опоры при реализации своих реформаторских планов, или гуманный человек, остро чувствующий чужую боль, способный быстро отзываться на нее живым движением большого сердца? Наверное, и тот, и другой. Совершенно очевидно, что в решении моего вопроса - частного в масштабах университета - проявилась неординарность личности Е. Букетова. Это письмо позволяет отчетливо увидеть и другие яркие черты Е. Букетова - человека, руководителя, педагога. Обращает внимание высокая культура общения Евнея Арстановича, в основе которой - уважение к человеку, не зависящее от занимаемой им ступени социальной лестницы. Подлинное уважение к чужой личности проявляется в каждой детали письма - в обращении (в соответствии с русской, а затем и советской традицией) по имени и отчеству, в дружеском пожелании успехов, теплых приветях коллегам, в извинениях (за задержку с ответом и назидания) и, конечно, в самоиронии, которая снимала автора письма с котурн ректора и ставила рядом со скромным адресатом.

Письмо Е. Букетова свидетельствует и о том, что в ректоре-администраторе всегда жил педагог, который не упускал случая высказать свои заветные нравственные императивы. Упомянув перспективы работы в КарГУ, Евней Арстанович оговаривает два условия плодотворности работы, с его точки

зрения - главных: 1) неудовлетворенность собой («...если будете постоянно себя чувствовать мало знающей...»), 2) расположение к людям («...если будете постоянно благожелательны к окружению...»). Жизнь убедила меня в том, что Евней Арстанович определял приоритеты безошибочно.

В заключение своего комментария я обращаю внимание на оптимистический тон письма: ректор уверен, что в новом университете будут созданы все условия для плодотворной работы. Оптимистические прогнозы Е. Букетова во многом оправдались. В университете, носящем его имя, созданы условия для успешной работы тех, кто хочет больше знать и что-то сделать для людей и страны. Что касается меня, то письмо Евнея Арстановича оказалось поистине волшебным: оно изменило всю мою жизнь. Благодаря поддержке ректора я из «кровожадной склочницы», пишущей жалобы в газеты республики и Союза, превратилась в нормального преподавателя, выступающего исключительно с «положительной программой».

Работая в КарГУ, я продолжала исследовать стих русской поэзии, защитила докторскую диссертацию, подготовила семь кандидатов наук, отредактировала (вместе с Ж. Жакуповым) сборник статей преподавателей и аспирантов филологического факультета «Букетовские чтения» (Караганда, 1997 г.) по материалам конференции, посвященной 70-летию Е. Букетова. Хочется верить, что я в какой-то степени оправдала доверие Евнея Арстановича. Надеюсь, что мои ученики добьются большего; разумеется, если будут соблюдать те условия, о которых писал в письме первый ректор университета.